

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

18+

СЫН ПОДРУГИ

Когда мальчик стал мужчиной

Александра Ветрова

Сын подруги. Когда мальчик стал мужчиной

<https://litres.ru/74239493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она помнила его неуклюжим мальчишкой с разбитыми коленками, который прятался за мамину юбку. Он помнил её смех, от которого звенели стёкла, и запах дорогих духов, оставшийся в детстве навсегда.

Двадцать лет разницы. Одна общая тайна. И чувство, которое нельзя спрятать.

Он уже не мальчик. Он мужчина, готовый бросить вызов возрасту, обществу и собственному прошлому. Вопрос лишь в том — хватит ли у неё смелости принять его выбор и простить себя за то, что она полюбила сына лучшей подруги.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Тот, кого я знала	5
Глава 2. Утро, которое всё меняет	14
Глава 3. Грань, которую мы перешли	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александра Ветрова
Сын подруги. Когда
мальчик стал мужчиной

Глава

Глава 1. Тот, кого я знала

Анна стояла у распахнутого окна своей кухни и смотрела, как первые капли дождя разбиваются о раскаленный асфальт. Лето выдалось душным и тяжелым, словно город, уставший от зноя, задерживал дыхание в ожидании грозы. Она провела ладонью по мокрой от влажной духоты шее и услышала, как снаружи, за высоким забором, зашуршали шины подъезжающей машины.

Сердце дрогнуло — и тут же забилось ровно, как метроном. Анна одернула себя: она ждала сына Ирины, мальчика, которого когда-то сама учила завязывать шнурки, пока ее подруга заканчивала срочный проект. Это был Егор. Маленький, вечно лохматый Егорка с разбитыми коленками и сияющими глазами, который обожал собирать во дворе гербарии. Она помнила его вес, когда брала на руки, помнила запах детского шампуня и ягодного йогурта на его губах.

Но когда дверь открылась и в прихожей раздался глухой бас, незнакомый и низкий, Анна на мгновение замерла.

Он стоял на пороге ее гостиной, и от него пахло дождем и дорогой. Егор был высоким — слишком высоким, чтобы называться мальчиком. Широкие плечи натягивали влажную ткань легкой куртки, а темные волосы, коротко стриженные на висках, взмокли от дождя. Он опустил сумку на пол и поднял на нее взгляд.

И Анна перестала дышать.

Взгляд был взрослым. Тяжелым. Пристальным — таким, от которого внизу живота разливается странное, глупое тепло, которое она уже лет десять не чувствовала. Он смотрел на нее не как на «тётю Аню», не как на подругу своей матери. Он смотрел на нее как на Женщину. Слишком внимательно, слишком медленно скользя глазами по ее лицу, по изгибу шеи, по ткани простого сарафана, которая липла к телу от духоты.

— Привет, — сказал Егор, и его голос прозвучал в тишине комнаты как тяжелый бархат. — Тётя Аня.

Он улыбнулся, но в уголках губ промелькнула странная усмешка — дерзкая, словно он знал что-то, о чем она даже не догадывалась. Анна заставила себя улыбнуться в ответ, и ее улыбка вышла чуть натянутой.

— Егорка, — произнесла она, и собственный голос показался ей фальшивым. — Боже, как ты вырос. Иди сюда, я тебя обниму.

Она шагнула к нему, и когда он сделал то же самое, ее голова уперлась ему в грудь. Его объятия были короткими и осторожными, но она успела почувствовать жар его тела, исходящий через влажную ткань, и жесткость мышц под ней. От него пахло мокрой листвой, мужским одеколоном и чем-то еще — тем, что заставило ее на секунду зажмуриться.

Когда он отстранился, Анна поспешно отошла к кухонной стойке, чтобы занять руки чайником.

— Как дорога? — спросила она, не оборачиваясь. — Ирина говорила, ты увлекаешься фотографией. Как там, сдал сессию?

— Сдал, — ответил он, и его шаги раздались за ее спиной ближе, чем она ожидала. Он подошел к окну, встал почти вплотную, и теперь она чувствовала его присутствие в каждой клетке тела. — Дорога длинная. Я хотел раньше приехать, но сломал машину в начале пути.

— Ты уже на машине? — она повернулась и увидела, как его глаза снова скользнули по ней. От этого взгляда по коже побежали мурашки, и Анна заставила себя смотреть в его глаза — серьезные, карие, с глубокими зрачками, которые казались бездонными. — Тебе ведь только девятнадцать.

— Восемнадцать, — поправил он с легкой усмешкой. — Девятнадцать в следующем месяце. Но права у меня уже два года.

Он смотрел на нее, не отрываясь, и Анна снова почувствовала себя неловко. Она взяла чайник, плеснула воды в заварник и, не выдержав молчания, произнесла:

— Я хочу показать тебе комнату. Ты устал, наверное.

Она повела его по коридору мимо своей спальни — двери которой оставила открытой нарочно, чтобы показать, что ей нечего скрывать, — и остановилась у гостевой. Комната была светлой: пастельные обои, бежевый диван, письменный стол у окна, за которым шумели кроны старых яблонь.

— Здесь есть отдельный выход в сад, — сказала Анна, по-

казывая на стеклянную дверь. — Если захочешь подышать вечером.

Егор прошел внутрь и, вместо того чтобы осматривать комнату, снова обернулся к ней. Он стоял в проеме между спальней и садом, и свет вечернего неба падал на его лицо, высвечивая острые скулы и твердую линию челюсти. Анна вдруг с ужасом осознала, что он больше не ребенок. Он — мужчина. Крупный, сильный, с чувственными губами и темными ресницами, которые делали его взгляд почти женственным, если бы не та жесткая мужская уверенность, которая чувствовалась в каждом жесте.

— Спасибо, — произнес он, и в этом простом слове было столько интонаций, что Анна невольно отвела взгляд. — Твоя комната мне нравится. Она... такая же, как ты.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, приподняв бровь, стараясь, чтобы голос звучал насмешливо, но вышло почти испуганно.

Егор улыбнулся, и его улыбка стала мягче, но взгляд остался дерзким.

— Светлая. Теплая. И пахнет чем-то дорогим.

Анна хмыкнула, пряча смущение за привычной иронией.

— Масло лаванды в аромалампе. Иди мой руки, сейчас будем ужинать. Я надеюсь, ты не против овощного рагу, потому что я не готовлю мясо.

— Я не против, — ответил он, и когда она повернулась, чтобы выйти, в его голосе послышалась такая интонация, от

которой ее сердце пропустило удар. — Я против того, что мы мало общаемся, Анна.

Она остановилась на пороге и медленно обернулась.

— Ты называешь меня по имени, — мягко заметила она, но это прозвучало скорее как разрешение, чем как выговор.

Он подошел ближе, сокращая расстояние до одного шага, и теперь она видела, как на его шее бьется жилка. Он был так близко, что она могла рассмотреть рисунок его зрачков, бирюзовые прожилки в карих глазах, и ощутить жар его тела.

— Ты не моя тетя, — сказал он тихо, и голос его стал почти шепотом. — Ты — женщина. И я всегда это знал. Я помню, как ты приходила к нам, когда мне было семь. Ты носила длинные платья и смеялась так громко, что звенели стекла. Я прятался за мамину юбку, но я смотрел на тебя. Всегда.

Анна попыталась рассмеяться, но в горле пересохло.

— Егор, ты говоришь глупости. Ты устал с дороги.

Он покачал головой, и прядь мокрых волос упала ему на лоб.

— Я не устал. Я просто хочу, чтобы ты знала: я не буду прятаться за юбкой. Ни маминой, ни твоей.

Он сделал шаг назад, давая ей пространство, и Анна с облегчением выдохнула, хотя ее дыхание все еще сбивалось. Она молча развернулась и прошла на кухню, чувствуя его взгляд на своей спине, на линии плеч, на изгибе талии — она знала, что он смотрит, потому что ее кожа горела под этим взглядом, словно ее гладили.

Ужин прошел в напряженном молчании. Егор ел с аппетитом, и Анна заметила, как уверенно он держит вилку, как сильные пальцы обхватывают стакан с водой. Она ловила себя на том, что смотрит на его руки и думает о том, что эти руки могут быть нежными или жесткими, в зависимости от желания. Она отгоняла эти мысли, как назойливых мух, но они возвращались снова и снова, когда он поднимал на нее глаза.

После ужина она убрала посуду, а Егор вышел в сад. Анна стояла у окна и наблюдала, как он наклонился, чтобы понюхать мокрые от дождя цветы. Он был грациозен, этот мальчик, выросший в мужчину. В каждом его движении чувствовалась сила, которую он сдерживал, словно прирученного зверя. Анна провела рукой по волосам, вздохнула и услышала за спиной его шаги.

Он вернулся в дом, прошел мимо нее так близко, что его рука задела ее плечо, и Анна вздрогнула от этого случайного прикосновения, как от удара током.

— Спокойной ночи, — сказал он, не оборачиваясь.

— Спокойной ночи, Егор, — ответила она, и имя его прозвучало в ее устах слишком мягко, почти интимно.

Он остановился на секунду, затем продолжил идти, но перед тем как скрыться в коридоре, бросил через плечо:

— Ты красивая, Анна. Просто чтобы ты знала.

И ушел. А она осталась стоять в темной кухне, прижимая ладони к пылающим щекам, и слушала, как гулко сту-

чит сердце, словно она не женщина сорока двух лет, а глупая девчонка, которая влюбилась в первый раз. И она знала: это только начало. Что-то изменилось в тот момент, когда он перешагнул порог, и остановить это уже невозможно.

Она легла спать, долго ворочалась, прислушиваясь к тишине в доме. А когда сквозь сон услышала, как тихо открылась дверь его комнаты и послышались шаги по коридору, она замерла, притворившись спящей. Шаги затихли у ее двери, и наступила тишина. Она не дышала. Она ждала. Но шаги удалились в сторону кухни, и Анна выдохнула, чувствуя странное разочарование, смешанное с облегчением.

Она встала, накинула халат и тихо вышла в коридор. На кухне горел тусклый свет. Егор сидел за столом, держа в руках ее кружку, и смотрел в одну точку. Услышав ее шаги, он поднял глаза, и в его взгляде мелькнуло что-то дикое, голодное.

— Не спится? — спросил он хрипло.

— Воды, — солгала она.

Он поднялся и медленно подошел к ней. Анна вжалась спиной в стену, не в силах отвести от него взгляд. Он остановился в сантиметре от нее, и она чувствовала жар его тела, слышала его дыхание — глубокое, сбивчивое.

— Ты дрожишь, — прошептал он, и его ладонь легла на ее плечо, поглаживая, обжигая через тонкую ткань.

— Это просто холодно, — выдохнула она.

Он усмехнулся, и его пальцы скользнули выше, к ее шее,

касаясь пульсирующей жилки.

— Врешь.

Она зажмурилась, чувствуя, как его тепло проникает в нее, как его присутствие заполняет каждую клетку. Егор наклонился, и его губы почти коснулись ее уха, когда он выдохнул:

— Я не сделаю ничего, чего ты не захочешь. Но я хочу, чтобы ты знала: я буду ждать столько, сколько нужно. Ты привыкнешь ко мне. Ты полюбишь меня. Я сделаю так, чтобы ты забыла обо всем на свете, кроме меня.

Его слова звучали как обещание и как угроза одновременно. Анна открыла глаза, и он стоял перед ней — высокий, сильный, с горящими глазами, в которых читалась такая решимость, что у нее перехватило дыхание.

Она хотела сказать ему, что он сошел с ума, что между ними пропасть, что она стара для него. Но слова застряли в горле, когда он опустил голову и поцеловал ее в ключицу — едва касаясь, почти без веса, но этот поцелуй обжег ее кожу, и она судорожно вздохнула, цепляясь пальцами за его плечи.

— Егор, — выдохнула она, и в ее голосе была мольба, которую она не хотела показывать.

— Да, — ответил он, поднимая на нее глаза, и в них плясали черти. — Просто позволь себе чувствовать.

Анна судорожно вздохнула, оттолкнула его и, не глядя, метнулась в свою комнату, захлопнув дверь. Она прислонилась к двери спиной, дрожа, слыша, как он постоял за две-

рю, а затем тихо пошел в свою комнату.

Ночь была душной и долгой. Анна лежала с открытыми глазами, а на ее коже до сих пор горел след его пальцев. И она знала: это только первая глава. Самая короткая. Самая тихая. Дальше будет только сложнее.

Глава 2. Утро, которое всё меняет

Анна не спала почти до самого рассвета. Она лежала на спине, глядя в потолок, по которому скользили тени от ветвей старой яблони, и прислушивалась к звукам старого дома. Где-то внизу, под полом, шуршали мыши, за окном тихо по-свистывала ночная птица, а в груди Анны бушевал настоящий ураган. Она перебирала в голове каждое его слово, каждое прикосновение, каждое дыхание, которое он выдохнул ей в шею, и чувствовала, как между ног разливается липкое, тягучее тепло, которое она отчаянно пыталась заглушить.

В конце концов, она провалилась в тревожный сон, полный сбивчивых образов: Егор стоял в саду, но был без рубашки, и капли дождя стекали по его рельефным мышцам, а потом он наклонялся над ней, и его рот находил её рот, и она тонула в этом поцелуе, слыша только собственное учащённое дыхание.

Проснувшись Анна от яркого света, который бил в глаза через неплотно задёрнутые шторы. Голова была чугунной, во рту — сухость, но в теле ощущалась какая-то странная лёгкость, почти эйфория, которая тут же сменилась ледяной тревогой, когда она вспомнила, что в её доме живёт он.

Она поднялась, накинула халат, который завязала потуже, и, стараясь ступать бесшумно, выскользнула в коридор. Кухня была залита утренним солнцем, и в воздухе витал густой,

настойчивый аромат свежесваренного кофе и жареного хлеба. Анна замерла на пороге.

Егор стоял у плиты — босой, в одних джинсах, низко сидящих на бедрах, с полотенцем, перекинутым через плечо. Его спина была широкой, с выпуклыми лопатками, которые двигались под смуглой кожей, когда он помешивал что-то в сковороде. Свет струился в окно и очерчивал каждую линию его торса, и Анна невольно задержала взгляд на изгибе его позвоночника, уходящего за пояс джинсов.

— Доброе утро, — сказал он, не оборачиваясь. Голос его звучал ровно и спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась стальная пружина, готовая распрямиться в любой момент. — Я нашёл яйца в холодильнике и хлеб. Надеюсь, ты не против, что я распорядился на твоей кухне.

Анна облизала пересохшие губы и заставила себя улыбнуться.

— Ты мой гость, Егор. Ты можешь делать что хочешь. Но я не привыкла, чтобы мне готовили завтрак.

Он наконец повернулся, и она увидела его лицо — свежее, с влажными после умывания волосами, зачёсанными назад, открывающими высокий лоб. На скулах играл слабый румянец, а в глазах — та самая дерзкая искра, которая уже не давала ей покоя всю ночь.

— А ты привыкай, — просто ответил он, и в этом ответе было столько уверенности, что Анна на мгновение почувствовала себя девочкой, которую впервые пригласили на та-

нец. — Садись. Я принесу тебе кофе.

Она послушно села за стол и наблюдала, как он ловко управляется с чашками, как наливает молоко, как ставит перед ней тарелку с хрустящими тостами и яичницей, украшенной зеленью. Его руки двигались плавно, без суеты, и Анна поймала себя на том, что рассматривает его пальцы — длинные, сильные, с чисто остриженными ногтями. Она вдруг представила, как эти пальцы касаются её лица, её шеи, спускаются ниже, и по телу пробежала горячая волна.

Она поспешно опустила взгляд в тарелку и взяла вилку.

— Спасибо, — сказала она, отрезая кусочек яичницы. — Выглядит аппетитно.

Он сел напротив, и его колено под столом случайно коснулось её ноги. Прикосновение было мимолётным, но оно обожгло её сквозь тонкую ткань халата. Анна вздрогнула и резко отодвинулась, стул противно скрипнул по кафелю.

— Извини, — сказал он с лёгкой улыбкой, которая не имела ничего общего с извинением. — Я не хотел тебя напугать.

— Ты меня не напугал, — ответила она слишком быстро и слишком резко. — Просто... здесь тесно.

Он промолчал, но его глаза чуть сощурились, и он отпил кофе, не сводя с неё пристального взгляда. Анна чувствовала себя под микроскопом. Она ела, стараясь не смотреть на него, но видела краем глаза, как он медленно жуёт, как его кадык двигается, когда он глотает, как его пальцы сжимают кружку с такой же силой, с какой он сжимал её плечо про-

шлой ночью.

Внезапно он произнёс:

— Ты сегодня красивее, чем вчера.

Анна поперхнулась кофе и закашлялась. Он немедленно подал ей салфетку, и когда их пальцы встретились, она почувствовала электрический разряд, от которого по руке побежали мурашки.

— Егор, — сказала она, вытирая губы и пытаясь придать голосу твёрдость. — Нам нужно поговорить.

— Я слушаю, — ответил он, откидываясь на спинку стула и складывая руки на груди. Эта поза была одновременно расслабленной и настороженной, как у хищника, который готов к прыжку.

— То, что произошло вчера, — начала Анна, и её голос дрогнул. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Ты должен понять... это неправильно. Я старше тебя на двадцать три года. Я подруга твоей матери. Я женщина, у которой есть дочь, и репутация, и...

— И что? — перебил он, и его голос стал жёстче. — И ты боишься, что люди скажут? Ты боишься, что мама узнает? Или ты боишься того, что чувствуешь сама?

Он подался вперёд, и его глаза зажглись тем же диким огнём, что и ночью.

— Я не боюсь, — сказал он тихо, но твёрдо. — Мне плевать на возраст. Мне плевать, кто что скажет. Я смотрел на тебя все эти годы, Анна. Я знаю о тебе больше, чем ты ду-

маешь. Я знаю, что ты ушла от мужа, потому что он тебя не ценил. Я знаю, что ты работаешь по ночам, потому что не можешь уснуть. Я знаю, что ты боишься одиночества, хотя всем говоришь, что тебе хорошо одной.

Анна почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы — от неожиданности, от уязвимости, от того, что этот мальчик, которого она носила на руках, видел её насквозь.

— Откуда ты... — прошептала она.

— Мама говорила, — пожал он плечами, и его лицо смягчилось. — Но я и сам видел. Когда я был маленьким, я приходил к вам в гости, и я слышал, как ты плачешь в туалете, когда думала, что никто не слышит. Я помню, как ты гладила меня по голове и говорила, что у меня всё будет хорошо. А у тебя самой не было хорошо.

Он встал, обошёл стол и опустился перед ней на корточки, заглядывая в глаза. Анна смотрела в его лицо, в его серьёзные, почти взрослые глаза, и не могла вымолвить ни слова.

— Я хочу, чтобы у тебя было хорошо, — прошептал он. — Я хочу, чтобы ты смеялась, как тогда, в моём детстве. Чтобы ты не боялась просыпаться по утрам. Чтобы ты знала, что есть кто-то, кто будет с тобой до конца.

— Егор, ты говоришь о любви? — спросила она с горькой усмешкой. — Ты слишком молод, чтобы знать, что это такое.

— А ты слишком стара, чтобы помнить, что это такое, — парировал он, и в его глазах блеснула та же дерзость. — Но я тебе покажу. Я докажу.

Он взял её ладони и прижал их к своим щекам. Его кожа была горячее, и Анна почувствовала лёгкую щетину, которая уже начала пробиваться на его подбородке. Она хотела отнять руки, но он держал их крепко, и его дыхание касалось её запястий.

— Не убегай от меня, — сказал он. — Пожалуйста. Дай мне шанс.

Анна смотрела на него, и сердце её колотилось, как бешеное. Она видела перед собой не мальчика, а мужчину, который готов бороться за неё. И это пугало её больше, чем любое осуждение со стороны.

Она медленно высвободила руки и провела ладонью по его волосам — мягким, чуть влажным, пахнущим мятным шампунем. Он зажмурился от её прикосновения, как кот, которого гладят, и на его губах появилась блаженная улыбка.

— Ты сошёл с ума, — прошептала она, но её голос уже не звучал так уверенно.

— Возможно, — ответил он, открывая глаза. — Но мне это нравится.

Он поднялся, и на секунду их лица оказались на одном уровне. Анна видела его губы — чуть приоткрытые, влажные, и чувствовала его дыхание — горячее, с запахом кофе. Она сглотнула и закрыла глаза, ожидая поцелуя, но вместо этого он поцеловал её в лоб — легонько, почти невесомо, как ребёнка.

— Ты ещё не готова, — сказал он с неожиданной неж-

ностью. — Я подожду. Но, Анна, не заставляй меня ждать слишком долго.

Он отошёл к плите и принялся мыть посуду, напевая что-то себе под нос. Анна сидела за столом, чувствуя, как её тело пульсирует от нерастратченного желания, и ненавидела себя за то, что хотела большего. Она хотела, чтобы он поцеловал её по-настоящему — глубоко, жадно, до потери сознания. Но он был прав: она не была готова. Или боялась признаться себе, что была готова всегда, просто не знала, как позволить этому случиться.

Остаток утра прошёл в напряжённом спокойствии. Анна приняла душ, переоделась в лёгкие льняные брюки и белую рубашку, тщательно застегнув все пуговицы до самой высокой. Она нанесла лёгкий макияж, подвела глаза и брызнула любимые духи на запястья. Наблюдая за собой в зеркало, она поймала себя на мысли, что делает это для него. Что хочет нравиться ему. Что в её венах течёт тот же яд, что и у него, только она пытается убедить себя, что это просто дружеская симпатия.

Егор сидел в гостиной с книгой в руках — она узнала свой старенький томик Бродского, который лежал на полке уже лет пять, и удивилась, что он выбрал именно его. Он поднял на неё взгляд, когда она вошла, и его глаза задержались на её фигуре дольше, чем позволяли приличия.

— Ты красиво пахнешь, — сказал он без тени смущения.

— Это мои духи, — ответила она сухо, хотя внутри всё пе-

ло. — Я надеюсь, ты не собираешься сидеть здесь весь день. Я должна работать. У меня сегодня онлайн-встреча с заказчиками.

— Я не буду мешать, — пообещал он, и в его голосе слышалась искренняя покорность, которая её тронула. — Я могу пойти в сад, или в свою комнату, или сходить в магазин, если нужно.

— Магазин не нужен, — сказала она, и, помедлив, добавила: — Но ты можешь посидеть в саду. Там есть старый гамак, я его недавно повесила. И если хочешь, возьми мою камеру — я помню, что ты фотографируешь.

Его глаза загорелись.

— Правда? Можно?

Анна кивнула и улыбнулась — впервые за это утро искренне.

— Только не сломай её, это профессиональная техника. Я купила её для работы, но так и не научилась пользоваться как следует.

Он подскочил, подошёл к ней и, прежде чем она успела отстраниться, крепко обнял её. Его объятие было жарким и сильным, и она уткнулась носом в его плечо, вдыхая запах чистого тела и свежего белья. Её руки сами собой обвились его талию, и на мгновение она позволила себе забыть, кто он такой.

— Спасибо, — прошептал он ей в макушку. — Ты самая лучшая.

Она отстранилась, стараясь не показывать смущения, и указала на шкаф в прихожей:

— Камера в верхнем отделении, в серой сумке. Аккумулятор заряжен, карта памяти почти пустая.

Он кивнул и через пару минут уже выходил в сад, неся камеру с почтительной осторожностью. Анна стояла у окна и смотрела, как он выбирает ракурс, как наклоняет голову, настраивая фокус на цветущем кусте жасмина. Его профиль был совершенен — острый нос, чёткая линия подбородка, тёмные ресницы, которые отбрасывали тень на щёки. Она невольно залюбовалась им, и в груди разлилось странное, тёплое чувство, которое она боялась назвать своим именем.

Она села за компьютер, включила камеру и попыталась сосредоточиться на чертежах. Но каждые пять минут она поворачивала голову к окну и видела его — то он стоял на коленях, снимая какой-то полевой цветок, то лежал на траве, глядя в объектив. Он был естественным, живым, настоящим, и это подкупало её больше, чем любые красивые слова.

К обеду она устала от виртуальных встреч и невыносимой жары. Она вышла в сад, держа в руках две кружки с лимонадом, и застала его спящим в гамаке. Он лежал на спине, раскинув руки, и камера покоилась у него на груди. Солнце играло на его лице, и он слегка щурился даже во сне. Анна остановилась рядом, любуясь им, и вдруг почувствовала, что её сердце сжалось от нежности.

Он приоткрыл один глаз и усмехнулся:

— Я знал, что ты придёшь.

— Я принесла лимонад, — сказала она, протягивая ему кружку.

Он сел, взял кружку, и его пальцы снова коснулись её руки. Она не отдернула её на этот раз.

— Ты смотрела на меня, — сказал он, отпивая холодный напиток. — Я чувствовал.

— Я смотрела, как ты спишь, — ответила она с вызовом. — Это обычное дело для хозяйки дома — следить за гостем. — Ага, — хмыкнул он. — Обычное.

Она присела на траву рядом с гамаком, и он тоже спустился вниз, садясь напротив. Их разделяло всего полметра, и Анна чувствовала, как воздух между ними накаляется, как электризуется пространство.

— Егор, — начала она, глядя на траву. — Нам нужно установить границы. Я не могу...

— Границы, — перебил он с лёгкой насмешкой. — Анна, посмотри на меня.

Она подняла глаза, и он улыбнулся мягкой, тёплой улыбкой, которая делала его похожим на того самого мальчика, которого она знала.

— Не пытайся поставить границы там, где их нет. Между нами нет стен. Есть только то, что мы чувствуем. И если ты боишься — я рядом. Я не отступлю.

Он наклонился и взял её руку, переплетая свои пальцы с её. Кожа к коже — горячая, чуть влажная от летнего зноя.

Анна задержала дыхание, чувствуя, как его пульс бьётся о её запястье, сливаясь с её собственным.

— Мы можем быть просто друзьями, — предложила она слабым голосом.

Он рассмеялся — низко, тепло, и этот смех отозвался эхом в её груди.

— Мы никогда не будем просто друзьями, Анна. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Он отпустил её руку, откинулся на траву и закрыл глаза, подставив лицо солнцу. Анна смотрела на него, и перед глазами проносились годы: вот он маленький, пятилетний, цепляется за её юбку, боясь огромной собаки соседа; вот он в десять, с разбитым носом, гордо заявляет, что не плакал; вот он в четырнадцать, неуклюжий и длинный, уже выше её, но всё ещё стеснительный. А теперь он лежит рядом с ней, мужчина с телом бога и душой поэта, и просит её о том, чего она так боялась.

Она легла рядом, на траву, и повернула голову к нему.

— Ты невероятный, Егор, — сказала она тихо. — Но ты не понимаешь, насколько всё сложно.

— Сложно, — согласился он, не открывая глаз. — Но я люблю сложные задачи. И я никогда не сдаюсь.

Она замолчала, и они лежали так долго, слушая пение птиц и шелест листвы. Где-то вдалеке залаяла собака, и по тёплому воздуху прокатился запах свежескошенной травы. Анна почувствовала, как его рука нашла её ладонь и снова

переплела пальцы. Она не сопротивлялась. Она просто позволила себе быть.

Когда вечер окрасил небо в персиковые тона, он встал, потянулся, и его мышцы перекачивались под кожей как живые. Он протянул ей руку, помогая подняться, и когда она встала, он не отпустил её, а притянул ближе.

— Я устал притворяться, — сказал он, глядя ей в глаза.
— Я хочу тебя. И я знаю, что ты хочешь меня.

Анна молчала, чувствуя, как его дыхание касается её губ. Её рука легла на его грудь, и она ощутила, как сильно бьётся его сердце под ладонью — так же часто и громко, как её собственное.

— Я хочу, — прошептала она наконец, и в этом признании было столько облегчения и страха одновременно.

Он улыбнулся, и в его глазах зажглась такая надежда, что Анна почувствовала себя почти счастливой.

— Тогда, — сказал он, не отпуская её. — Тогда позволь мне показать тебе, как это бывает. Позволь мне быть мужчиной, который будет любить тебя так, как ты заслуживаешь.

Она покачала головой, но её глаза говорили «да».

— Не сегодня, — прошептала она. — Я не готова. Но я знаю, что хочу тебя. Дай мне время.

Он кивнул, и его руки разжались. Он отступил на шаг и поднял камеру, наводя объектив на её лицо.

— Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, — сказал он, нажимая на спуск. — И я сделаю всё, что-

бы ты в это поверила.

Анна прикрыла глаза, и когда она открыла их, в объективе она увидела не мальчика, а мужчину. Мужчину, который смотрел на неё с любовью, от которой у неё кружилась голова.

Она повернулась и пошла в дом, чувствуя его взгляд на своей спине, на своих бёдрах, на своей шее. И она знала: это только начало. Самое трудное ещё впереди, и она не знала, хватит ли ей сил пройти этот путь до конца.

Но что-то подсказывало ей, что она уже сделала первый шаг. И остановиться она не сможет.

Глава 3. Грань, которую мы перешли

Прошло три дня. Три дня, которые растянулись в бесконечность и сжались до одного мгновения одновременно. Анна жила в каком-то странном тумане, где реальность перемешивалась с мечтами, а явь казалась сном. Она просыпалась каждое утро с мыслью о нём, засыпала с его именем на губах и видела его даже в тех редких минутах, когда он не находился в поле её зрения.

Егор был идеальным гостем. Он не докучал ей, не вторгался в её рабочие часы, но всегда оказывался рядом, когда она поднимала глаза от чертежей или выходила на кухню за очередной чашкой чая. Он менял воду в вазах с цветами, поливал её любимую орхидею, которая упорно не хотела цвести, и каждый вечер готовил ужин — сначала неуверенно, но с каждым днём всё смелее, находя в этом странное удовольствие. Анна наблюдала за ним из-за двери и видела, как он сосредоточенно нарезает овощи, как облизирует ложку с соусом и как его губы растягиваются в довольной улыбке, когда блюдо получается удачным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.